

18+

Серёжа Суру

#Проснувшийся

ПРОСНУВШИЙСЯ

ИСПОВЕДЬ ГЕНИЯ

Серёжа Суру

#Проснувшийся. Исповедь гения

«Издательские решения»

Суру С. В.

#Проснувшийся. Исповедь гения / С. В. Суру — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659909-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Первая Серёжина книга #Проснувшийся написана весной 2021 года за десять суток в камере изолятора временного содержания в разгар самых ярких и поучительных на тот момент событий. Запертый в одиночной камере, Серёжа как бы сдаёт экзамен на человечность, переосмысляя весь фейерверк событий и эмоций жизни публично «Просыпающегося» человека. Стилистика и орфография текста — почти рукописная, потому немного топорна и вовсе не претендует на «твёрдую пятёрку».

ISBN 978-5-00-659909-3

© Суру С. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Котлаский курорт для физических лиц, отбывающих административные наказания	6
Глава II. Небо в полосочку	20
Конец ознакомительного фрагмента.	33

#Проснувшийся Исповедь гения

Серёжа Викторович Суру

*Мне по праву рождения принадлежит право высказывания. Право
трактовать высказывания имеет исключительно автор*

Моему сыну Костяну, моей семье, доброй и шумной, посвящаю

Меценат Тимур Николаевич Карев

Меценат Дмитрий Валентинович Гинтов

Меценат Лариса Леонидовна Лопатина

Автор иллюстрации на обложке, участница проекта Гений Виледи Татьяна Гомзякова

© Серёжа Викторович Суру, 2025

ISBN 978-5-0065-9909-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Котласский курорт для физических лиц, отбывающих административные наказания

23 апреля 2021 года, 13.00

Прошли сутки, первые сутки моего первого административного задержания. Моей вольной неволи.

Говорят, нигде так не чувствуешь присутствие Бога, как на войне. Здесь, в котласском пристанище «отбывающих сутки», вокруг прямо одни Боги.

Но – обо всём по порядку.

Вчерашнее утро началось замечательно. Сын Костян, моя девушка Настя, ее дети Юля и Ромик мирно спали в уютном домике на Первых дачах до девяти утра. И вдруг... все разом проснулись. Все разом!

Накидывая на торс выдавшую виды красную олимпийку, я пробежался рукой по свежим швам. «Мамуля, родная, благодарю» – тепло наполнило моё сердце. С месяц назад я, работая болгаркой, случайно... намотал олимпийку на шлифовальный диск. Ну как, намотал... Болгарка прямо вцепилась в неё, рваными движениями приближаясь к животу. Было страшно, рука кое-как удерживала машинку, которая рвалась порвать мои кишки.

Рука инстинктивно намертво сжала рукоятку, как обезумевшую змею. Взгляд, как в замедленной съемке, наблюдал за сокращающимся расстоянием между рычащим инструментом и моим пузом. В те же доли секунды левая рука изловчилась выдернуть вилку... Всё, схватка выиграна. Спасительница – олимпийка была порвана в клочья в районе начала молнии.

Документальное фото: Серёжа на прогулке в тюремном дворе ИВС

– Давай я ушью, – взялась мамуля. – Только вот замок теперь не расстегнуть снизу..

– Ничего страшного, мам, буду одевать через голову! – обрадовался я. Уж очень мне нравилась эта красная олимпийка...

Нацепив калоши на босу ногу, я пошёл заводить генератор. Свет на даче отрубили еще неделю назад. Не в первый раз, но теперь уже – основательно. Ну и что, что я живу с сыном в дачном доме. Ни полиция, ни даже прокуратура... ничего не могли с этим поделать...

Сколько заявлений написано, сколько раз мы с Костяном ходили на Площадь Ленина к прокурорам... света не было. Но – был генератор!

Выйдя на крыльцо, я снова замедленно, как во сне, увидел вереницу казённых машин, сворачивающих с центральной улицы. «Ну... началось» – пролетела мысль предчувствия. На удивление спокойно зашёл обратно в дом. Не нашлось ничего более банального, чем с улыбкой сказать:

– Таааак, ребятушки, едет полиция. Только спокойствие. Попробую с ними поговорить.

Взяв со стола телефон, я так же спокойно вышел на крыльцо...

К этому времени во двор набилось около восьми человек в форме судебных приставов.

– Сергей Викторович, вам необходимо проехать с нами для оформления протокола. Вы отказываетесь? Вы не поедете с нами? – наперебой голосили погоны.

Чувствую, дело серьёзное. Заученным текстом на камеру своего телефона, я попросил ознакомить меня с документами, ограничивающими мои права и свободы... Девушка – пристав дрожащими от напряжения руками, доставала из папки какие-то заявления, выписки, еще что-то.

– Вы мне предоставьте документы, на основании которых вы ограничиваете мое право на свободу, то, что вы мне показываете – это не документы...

Но это, видимо, не их методы... Тем временем, Костян смело вышел на крыльцо. Я попятился и встал рядом с ним. Так мы вроде как защищали друг друга.

– Костян, снимай на свой телефон! – попросил я малого, не выпуская из рук свой.

Вся толпа приставов вслед за нами переместилась на крыльцо дома. Во двор ворвалась еще одна женщина-пристав с криками:

– Суров отказывается добровольно ехать!

За ней гуськом следовали полицейские. За забором на дачной дороге мелькнули довольные лица председателя СНТ Сергея Плехова и его предшественницы на этом посту – БабыЗины. Обернувшись, я обомлел: пристав в маске зажала Костяна в угол у дверей и с силой выхватила телефон из маленьких детских рук.

Я продолжал снимать:

– Прекратите насилие в отношении ребёнка!

ФССПэшница резко развернулась в мою сторону и выхватила телефон и у меня. В этот же момент я почувствовал, что меня начинают заламывать.

Костян закричал:

– Отпустите папу!

– Сын, всё в порядке! – сказал я громко и чётко, – я сейчас поеду с ними, а тебя отвезут к маме. Не переживай!

Освободившись от рук погонов, я спокойно проследовал к полицейской машине. Мой давний знакомый Ходулин, замначальника полиции, лично меня обыскал.

– Наручники надо? – как-то по-доброму спросил он.

Я сказал, что спокоен. Только уточнил:

Участковый приехал оформлять протоколы по «маскам». Фото из архива Серёжсы, 2020 г.

– Я задержан?

– Да! – чётко ответил Ходулин.

– А где протокол задержания, протокол досмотра?

Ответа, как и следовало ожидать, не последовало.

Меня усадили на заднее сиденье. Слева и справа – погоны. За рулём – мой кумир – полицейский Кристевич. Он не раз приезжал на дачи, наблюдал, как Плехов и БабаЗина режут провода, составлял протоколы под их диктовку. Да и под мою диктовку, кстати, тоже. В том числе и на себя самого! Вот я удивлялся: ну куда это гоже – бездействовать полицейскому, когда происходит правонарушение – жильё лишают жизнеобеспечивающего ресурса?

Так в моей жизни нашла подтверждение цитата с «Ответы. Маил.ру»: «**Милиция** с латыни – вооруженный народ.. **полиция** – вооруженная власть. ... В идеале **милиция** это народная организация, **полиция** государственная структура. ... **Милиция защищает** народ от преступников. **Полиция** – власть от народа».

По пути «этапирования» с дачи до города улыбка не сходила с лица. Мне было спокойно. И за Костяна, и за Настю, и за себя. Я примерно понимал, какой беспредел может твориться

в дачном домике, но меня это не печалило. Гораздо полезнее отпустить ситуацию! Прямо здесь и сейчас я им помочь никак не могу.

Из полицейской машины меня высадили на площади.

– О! Сегодня ж день рождения Ленина! – сказал кто-то из полицейских, увидев небольшое скопление людей у памятника Ильичу.

Я продолжал улыбаться. Внутренне и внешне. Это был хороший знак. Всё было хорошим знаком!

При входе в помещение мировых судей, где я бывал и не раз, приставы хотели меня обыскать.

– У меня ничего нет! – отрапортовал я с улыбкой и проскользнул в холл.

Усаживают на скамейку. Старший участковый начинает допрос:

– Подключали ли вы самовольно электричество на Первых дачах по улице Мичурина, 8-а?

– Меня ж пригласили на составление протокола 4 мая в полицию – удивился я.

– Это по другому делу! – заявил полицейский.

– Ну тогда я пользуюсь статьёй 51 Конституции РФ! Пусть Плехов доказывает свои фантазии!

Допрос закончился так же быстро, как и начался. Идем в зал заседаний. Напротив меня садится пристав Катечка. Говорит, что сейчас будет составлен административный протокол по статье 5.35.1 КоАП РФ – за неуплату алиментов.

– Ну, составляйте!

Я попросил у пристава бумагу, ручку и занялся своим любимым делом – начал писать ходатайства. Ходатайства писал не на Катечку, а на её начальницу. Расчёт был прост: начальник не сможет оперативно подписывать ходатайства и давать письменные определения на них. Так и произошло.

Все три ходатайства остались без ответа. Одно из них – на ознакомление с материалами дела. Нарушение КоАП? Ну... несущественное, сказал бы так называемый мировой судья.

Как нарушение Закона может быть несущественным? Оно или есть или его нет! Уж, казалось бы, кому, как не людям в погонах строго соблюдать Кодекс? Но мы же помним ту простую истину, что нам преподносят с детства в виде поговорки: «Закон – как дышло...» Ловко?

С материалами дела, необходимо заметить, Катюша меня познакомила. Мы с ней вместе разобрали каждый документ. Я по неопытности своей высказал свои претензии. В частности, указал, что не расшифрованы подписи. И что вы думаете? Наша умница при мне же начала их расшифровывать! Руки Катюши дрожали. Она явно не знала, что ей делать! То теребила телефон, то выходила куда-то звонить или разговаривать с мировым судьёй.

Внимательно наблюдал. Мысли приходили в голову чёткие и прозорливые.

*...Скорее всего, закроют на десять суток, как моего единомышленника
Антоху в своё время
...Закроют уже сегодня
...Задача – позволить Катюше и мировой судье наделать как можно
больше ошибок
...Физлицо Суров С. В. по-любому осудят. Приговор уже готов*

Можно сдаться просто так и сразу. А можно повоевать! Но с каким мотивом? Для чего мне сопротивляться?

Понятно, что, прежде всего – для самого себя. Но, возможно, и приставы, и мировой судья тоже вынесут свой урок. Озадачить мирового судью – вот это была сверхзадача! Сделать

ошибку её, конечно, не заставишь, ибо я читал, что в административном производстве судьям можно практически всё! И снова на ум приходит поговорка про Закон и Дышло.

Не попробуешь – не узнаешь! Казалось, сама Жизнь пригласила меня на письменный экзамен. Без шпаргалок и подсказчиков. Один на один с жёсткими экзаменаторами. И да, это – не война. Важно оставаться человеком. И писать, писать, писать: заявление о преступлении, апелляционную жалобу и жалобу в ККС...

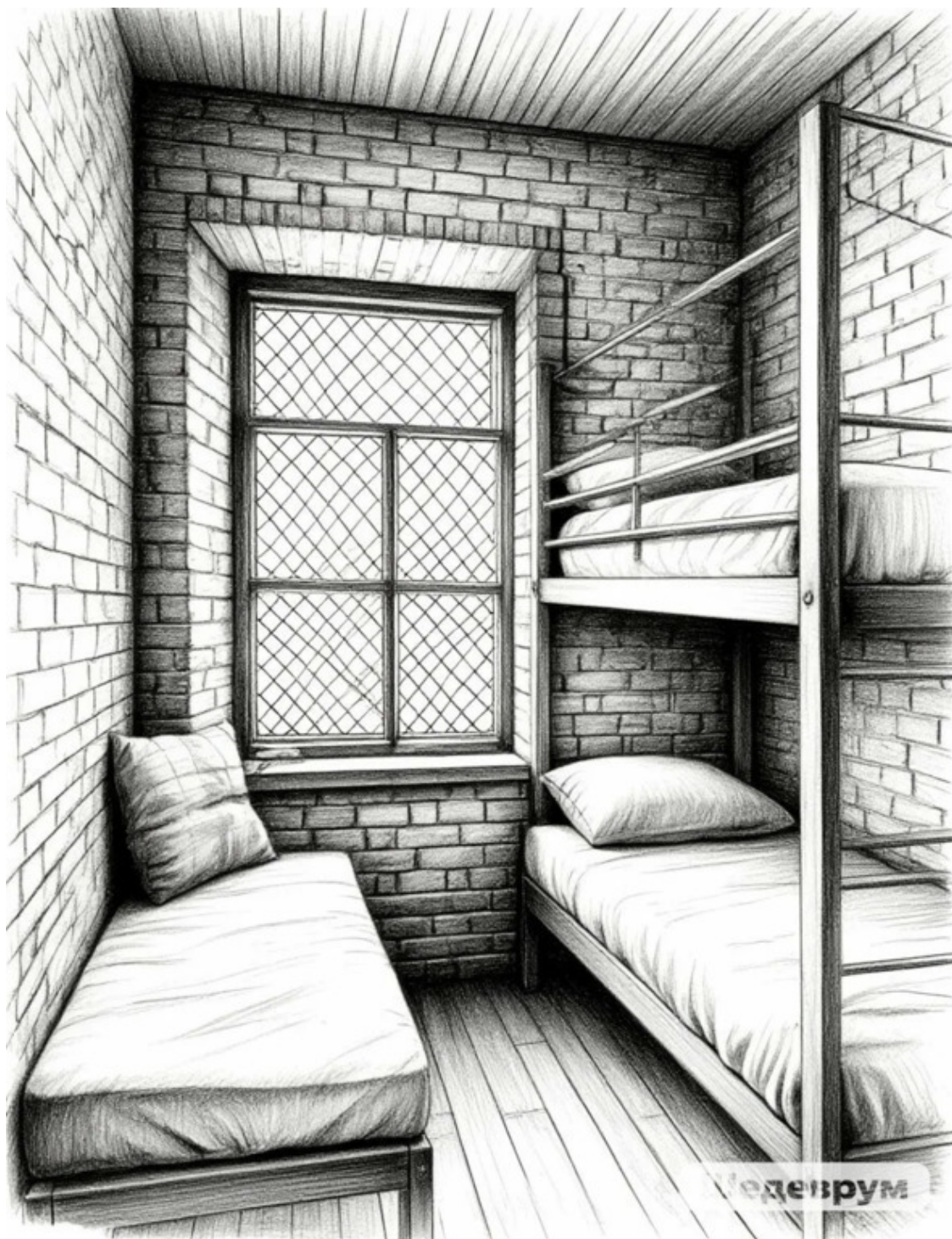
Мысленно я потирал руки.

Ну, с Богом!

* * *

...Трёхместная камера. Одиночество в камере. Интеллектуальный объект. Мозг уже по привычке проанализирует весь скопившийся объем, разобьёт на части и потом начнёт выдавать подсказки. Тут торопиться не стоит. Стоит почаще переключаться между видами деятельности.

Перспектива десять суток трудиться в уединении требовала тщательной подготовки. Перво-наперво я начал обдумывать список того, что понадобится. Собственно, остро не хватало именно чистых листов бумаги и ручки. Ручку мне, конечно, обещали, но желательно свою. Что ещё? Ну не знаю, подумаю.

То, что утро началось во всём заведении, сообщило мне «Радио Дача». Вот так подарок! Радио настолько чётко играло, будто динамик был встроен прямо в потолок. Ну, здравствуй, Котлас! Здравствуй, газета «Рейтинг»!

С грохотом откинулась «кормушка», на откидном квадрате появилась... каша! Именно в этот момент я решил: каждый приём пищи здесь будет – божественным. Самым вкусным, полезным и питательным! С одной стороны, говорят, мозгу всё равно, что происходит на самом деле. Вроде как и помои можно есть, как деликатес. Необходимо только хорошее воображение. С другой стороны – ничего же другого покушать нет.

С явным оптимизмом я приступил к утренней трапезе.

Каша и булочка с маслом и вправду были вкусными. С удовольствием позавтракав, я довольный рухнул в постель. Вот теперь можно передохнуть!

Примерно через час в камеру вошёл невысокий полицейский:

– Как дела? Жалобы есть?

– А вы кто? Начальник?

– Нет. Старший смены.

– Нет жалоб. Всё вполне терпимо. Благодарствую за тёплый приём. Вот только ручку бы...

– Да я в курсе вашей просьбы. Найдётся лишняя – принесу.

– Благодарствую.

Ручку начальник смены и вправду принёс. Я жадно бросился записывать всё, что держал в голове. За размышлениями время пролетело незаметно. В коридоре слышались шаги и возгласы:

– На прогулку идём? Выходим!

Так продолжалось достаточно долго. Видимо, по очереди выпускают. Воображение рисовало дворик для прогулок, как в американских тюрьмах. Но вот за мной так никто и не шёл. Но, может, забыли? Ничего, мало ли что – будет повод жалобу «завернуть».

В памяти всплыл рассказ Сергея Владимиров, бывшего начальника хозблока пятой колонии в Коряжме. Мой сосед по даче, здоровый вилегодский мужик. Хозяйственный и жизнерадостный. Ярый оппозиционер, борец за справедливость, экс-депутат городской Думы.

Ох уж и понаводил он порядков! И того посадил, и другого от работы отстранил. Взяточников и казнокрадов – не дух Владимиров не переносит. Объединило нас, естественно, положение дел на Первых дачах. Писали с ним вместе заявления в полицию на БабуЗину по ремонту моста, пожарным – на беспорядок с пожводоёмами. Сам-то Владимиров – выпускник пожарной академии в Ленинграде как-никак!

Я часто вспоминал Сергея Витальевича здесь. Сколько он мне историй понарасказывал о бытности на зоне – не перечесать! Всегда слушал его внимательно, запоминал. Знал, что не просто так Витальевич рассказывает. Лучше уж так на ус мотать. Всякое может случиться, от сумы да от тюрьмы, говорят, не зарекайся.

Собственно, история проста. Был у них такой сиделец-жалобень: в день по две-три жалобы мог написать! По поводу и без повода. За год, говорит, около тыщи настрочил. В итоге избавились на зоне от такого сидельца. На другую перевели. «Убивать не стали», – шутил, как обычно, Витальевич.

Серёжа и экс-депутат городской Думы Коряжемы, Сергей Владимиров. Январь 2025 г

* * *

Шаги к моей двери уведомили о начале прогулки. Конвоир был уже другой. «Видимо, пересменок часов в восемь», – подумал я.

Шагнув во дворик для прогулок я от неожиданности... раскрыл рот. Размером с камеру асфальт, огороженный профнастилом, тазик под окурки, две скамейки, накрепко прибитые к асфальту, сетка-рабица над головой с «колючкой» по верхнему периметру. Всё!

Нет, не всё. Солнце! Яркое весеннее солнце почти в зените. Вот это повезло!

Недолго думая, скинул олимпийку, спросил у конвоира, можно ли встать на скамейку и, получив одобрение, вспрыгнул босиком поближе к солнышку.

Было очень душевно, тёплое солнце грело мою макушку и тело. Так мы встречали новый день с Настей в каминном зале на даче этой весной. Бывало, почти нагими мы сидели на утреннем солнышке, загорали под шум прибоя из колонки или мантры.

Конвоир оказался интересным собеседником. Сам – в возрасте, уже шестнадцать лет здесь трудится. Повидал, говорит, много. Разные люди встречаются. С кем поговорить – есть о чём, а кто и два слова не свяжет: кроме водки да дна стакана ничего и не видал в жизни.

– Но мы же с вами понимаем, что самый массовый наркотик – это спиртное. Не кокаин, героин, марихуана – а именно спиртное. И что мы видим – целые витрины бухла на любой вкус и цвет. Разве это социально ориентированное государство? Разве так заботится государство о своих гражданах? Почему в одних странах марихуана разрешена, а у нас – нет?

– Согласен, в Америке тоже не в каждом штате разрешена.

– Но там хотя бы есть возможность передвигаться между зелёными и красными зонами. А у нас?

– У нас запрещено на всей территории.

– Зато бухай везде и сколько хочешь!

– А вот для меня отдых – это уединение. Вот, скоро отпуск. Возьму ружьё – и в лес. На охоту. Прямо на майские. В воскресенье – крайняя смена!

– Ну, значит, потом нескоро увидимся. Ну по крайней мере здесь, в этих стенах. Хотя здесь у вас – лёгкий санаторий. Вот, даже солнечные ванны в рационе!

– Вы когда уже звонить будете?

– А у меня нет телефона. Отняли судебные приставы, когда ломать начали.

– Так есть таксофон. Одна минута – бесплатно.

– Да? Одна! Ну, давайте попробуем!

– Пойдём!

Полицейский объяснил, как пользоваться автоматом Россвязи. Я набрал номер отца:

– Хай норок (по-молдавски – желаю счастья). Отец! Это я!

– Привет! Ну как ты, рассказывай!

– Ой, погоди. У тебя номер высветился? Набери меня. Я отвечу!

– Так входящего – тоже минута, – вмешался конвоир.

– Да? Ну ничего страшного, попробуем!

Оказалось, что входящий вызов бесплатный и не ограничен по времени. Я поговорил с отцом и мамой вдоволь. Успокаивал – как мог. Рассказал, что условия тут как в санатории. Отбываю один в камере. Тружусь, не скучаю. Подумываю начать писать книгу о том, что происходит в моей жизни. Спросил, как у них дела. Рассказали, что были вчера на даче. Что приставы вывезли телевизоры, компьютер, увезли на эвакуаторе машину...

– Ну дела! Да это сейчас не так важно. Им, видать, нужнее. Разберёмся.

– Света созванивалась с Альбертом Кулаковым. Алик сказал, что нашёл адвоката.

– Ну, Светик и Алик – молодцы! Вы-то как?

– За тебя переживаем. С Костяном разговаривал, Наташа не разрешает ему о папе говорить. В школу пока не отпускает. Он, конечно, переживает. Просит привезти велосипед с дачи.

– Ну и отлично. Пусть в городе побольше на улице находится. Позвоните, расскажите, что у меня всё в порядке. Всё, давайте, обнимаю!

Я повесил трубку. Сердце было спокойно. Можно ещё погулять. Я снова вскочил на скамейку и, ловя тёплые лучи, позагорал ещё минут десять.

– Всё, хорош, – во дворик выглянул мой утренний знакомый, одолживший ручку, Сергей. – Ещё девочкам погулять надо.

– Ну надо – так надо, – согласился я.

* * *

В камере есть чем заняться. Ручка есть, бумага есть. Я снова погрузился в мыслительный процесс. Время до обеда пролетело незаметно.

А на обед, как обычно, самый вкусный суп, полбуханки хлеба, рис с мясом и чай. Кушал я не торопясь. Посуду за собой помыл. Привычка. Ну а после обеда – по правилам санатория – положен отдых. Входя в состояние медитации, я попробовал новую фишку.

Я представлял радостными всех своих родных – танцующую Малину, её маму, увлечённую вознёй с внуками. Довольного новоиспечённого председателя СНТ Плехова, почему-то танцующего лезгинку, и его предшественницу на посту – БабЗину, хлопающую ему. Костяна, который крепко обнимает меня. Так крепко, как умеет только он.

В ощущении этих объятий я прямо замер. Я оставался в этом состоянии столько, сколько смог. Грудь наполнилась теплом. Теплом, которое я отправлял сыну. Он в безопасности, с ним всё в порядке. Я его люблю. Так, как никого никогда не любил. И вряд ли кого так полюблю.

Плоть от плоти, так говорят. Так, как он меня понимает – никто меня не знает. У нас с ним нет секретов. Я рассказываю ему вообще всё. Рано, не рано – сам разберётся.

Вспоминал ощущение, когда мы позавчера с Настей и мелкими ужинали у камина, а генератор вырубился. Бензин закончился. Мы сидели при свете догорающих углей и клочки света освещали только лица. Глаза у всех блестели. Мы живо что-то обсуждали, смеялись и, казалось, вокруг вообще никого нет! Только камин, мы и звёзды на небе. Это было как в сказке. Сказке, которую наутро украли люди в чёрных погонах...

* * *

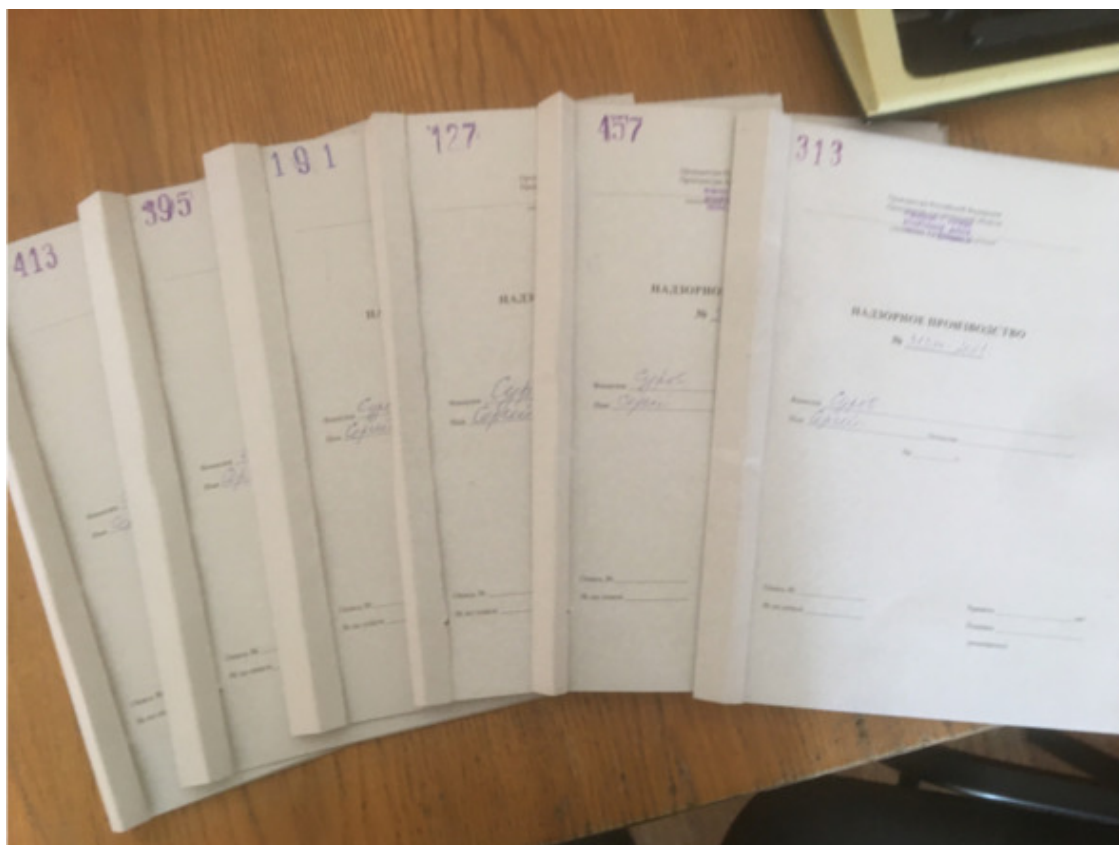
Бесконечность медитации прервал грохот открывающейся двери:

– К вам пришёл адвокат.

Я хоть слегка и опешил, но собрал в кучу все бумаги и проследовал за конвоиром.

– Вячеслав Бельков. Адвокат. По просьбе вашей сестры и Альберта. Вы, наверно, меня знаете, я работал в прокуратуре Коряжмы, Котласа, в следственном комитете Котласа. Моя задача – вытащить вас отсюда и обжаловать постановление суда.

– Отлично! В этом наши цели абсолютно сходятся!

Попросил как-то Серёжа прокуратуру Коряжмы ознакомиться с материалами дел...

Мы с Вячеславом сразу погрузились в дело. Он изучил постановление суда. Я ему рассказал свои замечания по нарушениям судебного пристава и судьи. Он же в первую очередь обратил внимание на чрезмерную суровость наказания:

– Административный арест – это ж крайняя мера! Тем более, что ты сам просил применить к физлицу обязательные работы. А какие характеристики в деле есть на тебя?

– Нет никаких... Я не видел ни одной.

– Странно. Что ж, будем заниматься.

Я попросил у Славы ручку. Вернул «служебную» обратно полицейскому со словами благодарности. С листочками у Славы было тоже не айс. Мы договорились о содержании апелляционной жалобы, я заказал юридическую литературу и бутылку воды. Сообщил, что начал писать книгу о событиях последних дней. О том, как здесь, в неволе, относятся к узникам. Уже двадцать страниц рукописного текста есть!

Сразу обратила на себя внимание фраза адвоката – закон на твоей стороне. Необходимо заставить закон работать в интересах человека. Вот уж что точно – то точно!

* * *

Меня проводили в камеру. Я выдохнул. Не то чтобы обрадовался, нет, успокоился. Светик и Алик сработали чётко. Выгрузив свои мысли в адвокатскую голову, я получил дополнительную возможность глубже изучить КоАП и законность действий служивых.

Я понимал, что нарушений со стороны погонов было много. Осталось восстановить в голове цепочку событий и привязать эти события к Уголовному кодексу и КоАП. А потом приниматься за перо. Писать, писать, писать.

Глава II. Небо в полосочку

Принципы законности, гуманизма, уважения человеческого достоинства

Вернёмся во вчера. Заполночь. Ментовский «козлик» подвёз меня к месту неволи. В голове было пусто и спокойно. Программа максимум на день была выполнена: без боя я не сдался, упирался как мог. Но при всём при этом оставался человеком. Бояться было нечего.

Ещё во время заседания я пробежался глазами по закону об административном отбывании и первое, что я увидел и выписал себе на бумажку – **наказание основано на принципах законности, гуманизма и уважения человеческого достоинства**.

Как-то от этой фразы стало легче на душе.

Я уже знал, что ежедневно заведение посещает прокурор. Откуда? Как-то петербуржец загремел сюда же по ст. 19.3 КоАП РФ при оформлении его по 20.6.1 КоАП РФ (ковид-маске). Я звонил в прокуратуру Котласа каждый день, интересовался, как дела у человека такого-то. Мне отвечали, докладывали о состоянии. Всё-таки Котлас немножечко другой. Я в это верил. Собственно, в своих прогнозах я не ошибся. Ступив на Котласскую землю, я поднял голову к небу. На улице было прохладно. Но я понимал, что увидеть небо не в полосочку-клеточку удастся ещё нескоро. Ну, в добрый путь. К новым испытаниям!

Ага. Я был уже здесь! Катали пальчики мне перед уголовкой, когда погиб сотрудник «Альфа-Принт». Но это уже другая история. В общем, был я здесь. И аппарат, откатывающий пальчики, тот же.

– Давайте будем знакомиться!

С первых минут я окунулся в атмосферу доброжелательности. Принимали меня невысокая сотрудница и высокий круглолицый сотрудник. Оба добродушные, как будто только меня и ждали.

Заполнили какой-то бланк, откатали пальчики, рассказали распорядок дня. Подъём в 7 утра, завтрак в 9, обед в 12 и ужин в 19 часов. Еду возят (я сам не поверил) из столовой «Русь»! С такой гордостью мои новые знакомые об этом говорили, что я аж захлебнулся в мечтах о шикарных яствах на «кормушке» в тяжёлых железных дверях. Подправив мечты, я вывернул пустые карманы.

– У вас что, ничего с собой нет?

– Нет! Утром вышел на улицу генератор завести – и вот! Я у вас. Только мундштук, я так курить бросаю. Не курю, но по привычке во рту тереблю. Обманиваю мозг!

– Интересно. Ну раз ничего нет – проходите!

Перед глазами у меня был список камер с тремя-четырьмя фамилиями на каждую. Интересно, куда «приземлюсь»? К своему удивлению, меня заселили одного в трёхместную пустую камеру.

«Хм, в чём подвох?» – промелькнула мысль.

Но факт уединения меня очень даже устраивал. Камера – примерно три на пять метров, справа двухъярусная дырявая насквозь кровать. Слева более приличная кровать, хоть и прогнувшаяся. Я спросил у провожавшего меня полицейского:

– Что выбрать?

– Конечно, вот эту! Постелите два матраса, и будет отлично! – добродушно посоветовал мне конвоир. – Сейчас я вам ложку принесу и чаю. Располагайтесь пока!

Между кроватями был втиснут достаточно высокий стол. Буквально втиснут. Накрепко прикрученный к полу, он был настолько неудобным для приёма пищи и писанины, что я кое-как поборол желание взять «болгарку» и срезать лишние тридцать сантиметров. Шучу:)

Не было в камере ни «болгарки», ни шуруповёрта. В метре от моей кровати – раковина и параша. Да-да, именно пьедестал, как раньше в школах стоял, обнесённый с двух сторон ДВП. Я даже обрадовался такому положению дел: говорят, очень полезно справлять нужду на корточках.

Неспеша заправил кровать. Подоспел кипяток и заварка с сахаром. Мой новый знакомый принёс ложку:

– Отдадите завтра. Доброй ночи!
– Доброй! Благодарю!

Поблагодарив Всевышнего и мамыны добрые руки за поздний сытный ужин, я, смакуя, доел плов, остатки пирога с чаем. Умылся, поблагодарив Всевышнего еще раз за отсутствие возможности выкурить хоть одну сигарету. Это было прям круто и совершенно несложно.

Поблагодарил всех моих новых знакомых за бесценный опыт, полученный за этот прекрасный весенний день. В день рождения Владимира Ильича Ленина – 22 апреля. 2021-й год...

Завернувшись в одеяло, я сладко уснул.

* * *

Проснулся по привычке – на рассвете. О том, что на улице рассвет, я догадался по полумраку в окошке размером метр на полметра, которое было обнесено железной решёткой с толстыми прутьями из арматуры. Окно выходило на запад, поэтому восхода мне точно не видать, решил я, но повода расстраиваться не было. Необходимо было осмотреться, освоиться.

В камере была достаточно комфортная температура. Ни жарко, ни холодно. Я перебрал бумаги, все, что остались со вчера. Больше всего интересовали пустые листы. Хотя бы с одной стороны. Необходимо записывать мысли. Возможно, понадобится писать заявления, жалобы. Неизвестно, как пойдёт. Первая передача может случиться даже не сегодня. Ну да ничего, пару листков чистых, ещё штук пять-семь односторонних. Продержимся.

Понимая, что до завтрака ещё есть пара часов, я снова улёгся в кровать. Но не спалось. Проваливался в дрему, но явно не на пользу такая маета. «Лучше посплю после завтрака», – решил и стал разминаться.

Приседания, отжимания, наклоны туловища – сразу вспомнилась зарядка по методу Михаила Федоренко. «Ну не сразу, но приду и к ней», – успокоил себя и принялся записывать свежие мысли.

Случилось вчера очень много того, что стоило отметить в апелляционной жалобе и заявлениях о преступлениях. Перечитал постановление судьи. Просто перечитал. Как бы загружая его в мозг как целый файл.

Время до ужина заполняла музыка и реклама «Радио Дачи». Почему-то постоянно вспоминался Дима Завадский. Помню его рассказы о битвах «Юга Севера» и «Рейтинга».

Именно конкуренция «Юга Севера» с «Рейтингом» всегда была интересна для меня. Бились они профессионально. Хотя в «Рейтинге» трудилось всего два-три человека, а в «Юге Севера» целый штат профессиональных рекламщиков. Ну правда интересно.

Тексты рекламных роликов я выучил к ужину. Понял примерно, когда чья реклама играет. Музыка на «Радио Дача» вполне попсовая, с теми же бессмысленными текстами. Здорово отвлекала от мозговой активности. Ну что делать? Заставить мозг не обращать внимания на тексты. А музыка – пусть булькает. Шум из соседних камер временами был громче. Да и в конце концов – я был один. Один! Уединение – это как раз то, что мне необходимо сейчас. Где ещё я бы смог сосредоточиться на самых важных задачах – защите чести, достоинства, своих прав и свобод.

* * *

Но вернёмся в зал заседаний суда. Пока Катенька каллиграфическим почерком заполняла протокол, я строчил ходатайства. В общем-то, нарушения в оформлении протокола были налицо. Их-то я и внёс в ходатайство. Всё по-честному! Настолько по-честному, что Катенька,

как мне показалось, начала наглеть. Отказалась письменно писать определения на мои ходатайства!

Я попросил её с телефона вызвать 112 – полицию.

Отказ.

Ничего страшного. Иду на пост судебных приставов. Ребята набрали. Мотивировал тем, что есть заявление о преступлении о применении физической силы сотрудниками ОСП ко мне и моему ребёнку.

И второе – прекратить противозаконные действия пристава Катеньки. Полицейский Михин приехал примерно через час. Принял от меня четыре заявления о преступлениях. Тут же брал объяснения, тупо переписывая мои заявления.

В это время приставы сказали, что пришли мои родители. Я выскочил в «предбанник» и... аж проскочил мимо мамы. Прямо не узнал её! Обернувшись, увидел её глаза. Они не были испуганными, они меня изучали и верили в меня. Я обнял её. Сказал, мол, мам, переживайте сильнее. Я справлюсь. Пока что не совсем понимаю, что происходит. Но буду держать в курсе. Правда, не знаю, как... Затем пришёл отец. Глаза его были встревожены.

– Хай норок! – выпалил я с улыбкой.

Глаза отца заблестели:

– Ну что тут у тебя?

– Пока непонятно! Но я справлюсь.

– Что нам делать?

– Живите дальше спокойно. Будут новости – я сообщу. Дай-ка запишу на бумажку твой телефон.

Мама принесла пакет с домашней едой. Плов был ещё тёплым.

И самый вкусный мамин пирог с яблоками. От напряжения голода я не чувствовал. Однако понимал – пища мне, ох, как пригодится.

Поговорив еще минут пять, попрощавшись с родителями, снова вернулся к полицейскому Михину. Он закончил заполнять объяснения по моим заявлениям о преступлениях. Я спросил у Михина между делом:

– А можно с тобой как-нибудь сходить на дежурство на Сафьянку?

– Нет, – сказал Михин. – Опасно это. Да и ничего интересного. Пьянки, разборки, драки и дебоши.

Я оглядел его. Невысокий, но крепкого телосложения. Явно смелый и отважный должен быть он внутри. И спокойный.

– А ты можешь, как полицейский, остановить беспредел, что творит работница ФССП и судья? Ты обязан это сделать по закону о полиции, Михин!

– Нет... Я не могу вмешиваться в работу ФССП и судей, – потупив взгляд, отвечал участковый...

– Ну что ж, так и запишу!

В это время в зал впорхнула чёрная мантия судьи.

– Вы готовы начать заседание? – спросила она.

Михин попросил ещё десять минут. Надо отдать должное – Михин всё делал аккуратно, записывал «со слов человека Сергея Суру», зачёркивая слова «гражданин».

А я уже начал писать ходатайства судье, понимая, что времени будет совсем немного. В памяти ещё свежа схватка с мировым судьёй Гроздьяницей по самовольному подключению электричества.

Уже тогда сделал для себя массу предположений о пристрастности судей. В то время к одному процессу я подготовил аж двадцать четыре ходатайства! Битва была не на жизнь: три судебных дня я держал оборону! Но это совсем другая история. Как-нибудь, может, и расскажу.

Михин наконец закончил, мы попросились не сказать, что прям тепло. Разочарование от, как мне показалось, беспомощности полицейских, увы, ещё сидело комом в горле. Хотя... ну на что я рассчитывал? Что Михин, как дядя Стёпа в детском стишке возьмёт и всё прекратит? Да...

Вошла судья. Я встал за трибуну. Это удобно. Психологически я нахожусь выше судьи – это плюс. Я понимаю, что бой предстоит сложный. Поэтому мелочей в подготовке поля боя быть не может.

Первое знакомство с мировым судьёй Мухайлиной меня не впечатлило. Всё тот же чёрный балахон, скрывающий пышные формы невысокой женщины примерно моего возраста. Всё тот же торопливый говорок, уверенность в себе. Холодная и явно уже принявшая решение. Ну или за неё уже приняли? А какая разница...

Я пятой точкой чувствовал, что поеду на сутки. Точнее – на десять.
Но это не значит, что я буду смотреть на всё происходящее, опустив руки.
У них есть слабые места. Моя задача – их нащупать.

Самое слабое место, казалось бы, – совесть. Увы, каким-то образом совесть выжигается из определённых людей. Каким образом – для меня пока загадка. Или, может, не люди это вовсе? Да нет, такого быть не может.

* * *

Итак, занавес открывается. Камера, мотор! Судилище началось.

Я не очень внимательно слушал голос мантии, писал уже третье ходатайство. Но так получилось, что именно его судья Мухайлина попросила в первую очередь. Ходатайства об отводе рассматриваются в первую очередь. Ну, в первую – так в первую. Три довода у меня изложено уже.

Во-первых, в деле появились документы из ниоткуда! Никаких ходатайств о приобщении не было, а документы – есть. Судебный пристав Катенька явно «оформляла» под присмотром судьи. Заходила в кабинет – видимо, они советовались.

Ну и самое важное – в моём диктофоне есть аудиозапись слов Малины о том, что все судьи в городе на её стороне. ФССП и полиция – тоже. Все ждут только её команды. Разве это не личная заинтересованность?

Правда, для этого необходимо попасть в мой дом и добыть доказательства с диктофона или компьютера. Так и написал. Так и отдал ходатайство. Зная, что будет отклонено. Но моя задача – написать и приобщить к материалам дела. Пригодится. Чего молчать-то?

Пока судья Мухайлина уединялась в совещательной комнате для принятия решения и вынесения определения по ходатайству, я судорожно соображал, что делать. Я не ел с прошлого вечера. Ну и накал ходатайство судье – мол, перенести заседание на другую дату или сделать полноценный перерыв для приёма пищи и прогулки на свежем воздухе.

Мухайлина тяжело впорхнула. В удовлетворении ходатайства – отказать. Сделать перерыв 15 минут на приём пищи! В мотивы я не вслушивался. Уже отдавал просьбу на перерыв и писал следующее.

– А как же полноценный приём?

– Ешьте, вот это полноценно! – выкрикнула Мухайлина, указывая на мамин пакет с рисом.

Ну здесь – так здесь. Я обратился к судебному приставу:

– А где можно расположиться, чтоб покушать? Прямо в зале суда?

– Да.

– Прекрасно!

– Вам вилку и воды дать? – спросил пристав.

- Буду очень вам благодарен!
- Вот там можете помыть руки.
- Благодарствую.

Уже через пять минут я расположился за столом судебных заседаний. Плов, конечно, уже остыл. Но голод – не тётка. Было вкусно, было сытно. Даже с простой водой. В такие минуты ценишь каждое мгновение. Каждую крошку маминого пирога. И каждый глоток воды.

Обед получился очень вкусным. Голова снова заработала. Я мысленно поблагодарил Создателя за эту великолепную возможность покушать маминой еды прямо в зале судебных заседаний. Теперь зал мне роднее, чем судье! Он согрет маминым теплом и даже всё ещё немного пахнет едой.

Следующим волеизъявлением я буду просить присутствия защитника.

Я имею на это полное право и по Конвенции по правам человека, и по Конституции, и по КоАП. Вот только кто? Кого пригласить?

В голове несколько кандидатур, но телефонов их я не знаю... Телефон-то остался в агрессивных руках ФССП-шницы. Ну, главное – написать. Обязана предоставить право на участие защитника.

Так и есть. Удовлетворила! А куда ей деться? Начали выяснять, кто может быть моим защитником.

Адвокаты? Юристы?

Нет. Нужен свой. Назвал Сергея Жукова. Правозащитник. Вот кто он! Телефона не знаю. У кого спросить, не знаю. Могу поехать и найти его. Но кто ж меня отпустит? Кто ж повезёт? Искали. Видимо, по-честному искали. Не нашли.

Ну тогда давайте поищем Сергея Митюгова. У него автосервич на Архангельской, возле ГИБДД. Снова удалилась судья на поиски. Снова не нашла! Как так? Поглядите внимательнее, товарищ судья. Удалилась. Эврика! Нашли. С замирающим сердцем я поднёс трубку к уху.

– Алло!

– А это кто?

– Сергей.

– Серёжа! Слава богу! Это Сергей Суров. Серёжа, мне необходима твоя помощь!

– А ты можешь через десять минут перезвонить?

– Сергей, я сейчас в мировом суде. У тебя номер высветился? Как освободишься – набери.

– Окей.

Уфф... Не знаю, чему я был так рад. Но уже не один, уже проще. Было немного времени перевести дух. Я лёг на скамейку и закрыл глаза. Начал отсчёт от ста до одного. Это помогает погрузиться в лёгкий транс, перезагрузить мозг. Сделать паузу в ожидании звонка. Сергей перезвонил, как и обещал.

– Серёжа. Мне нужна твоя помощь как правозащитника. Я тут в суде. Ты сможешь мне помочь?

– Я смогу, только через два-три часа. Мне не на кого оставить сервис.

– Давай через два часа. Постарайся. Я жду.

– Хорошо.

Эту информацию мы с приставом донесли до судьи. Мухайлина объявила перерыв на два часа:

– Но через два часа начнём!

– А можно во время перерыва выйти на улицу подышать свежим воздухом? – спросил я у пристава.

– Думаю, нет, – ответил он. – Спрашивайте у судьи.

Я двинулся в сторону кабинета судьи, но пристав меня опередил.

– Нет, нельзя, – он вышел из кабинета. – Сказано – нельзя.

– Да что ж такое-то! Я что, задержан? На каком основании ограничивают моё право на свободное перемещение?

Приставы жали плечами. Катюша, сидевшая с ними, тоже не отвечала. Я-то понимал, что срок административного задержания уже ждёт. Поэтому гораздо выгоднее время проводить с пользой. И вернулся в зал заседаний в надежде отдохнуть. А не тут-то было. Передо мной вырос судебный пристав, примелькавшийся ещё утром.

– Сергей Викторович, мне необходимо, чтобы вы подписали протокол на вас о сопротивлении исполнению.

– Погодите, погодите. Как вас зовут?

– Александр Николаевич.

– Александр Николаевич, я с утра уже на ногах без отдыха. Давайте помедленнее. Что за протокол, что за нарушение?

Сухих мне прочитал статью. Я записал на листочек. Начали разбираться.

– Вы нарушили тем, что отказались.

– Да я не отказывался. Я требовал ознакомить меня с материалами дела. Затем сказал, что проеду, только переоденусь. И тут ворвалась полиция и начали обижать Костяна. Ну, в общем, знаю я, как они стаей умеют раскачивать обстановку. Им бы шоу, видать, пошумнее. Давайте свой протокол. Буду заполнять. Как человек, вы же понимаете, что я вам ничего не должен? Ведь в Конституции так и написано: человек и гражданин. Нет там физлица. А гражданство РФ вы как докажете? Формой 1П?

– Эх...

Пока я заполнял пустые строки протокола волеизъявлением человека, мы общались. Я объяснял, что по моему мнению они, сотрудники Отделения судебных приставов Коряжемы, своими же руками творят беззаконие. За зарплату и пенсию?

Александр не стал вступать в дискуссию. Уверен, он в курсе моих убеждений. Но общались мы достаточно спокойно, слышали друг друга.

Я объяснял про постоянно растущий процент проснувшихся, осознанных. Да, нас всё ещё мало. Но когда нас будет десять процентов – случится эффект «сотой обезьяны». Жизнь уже меняется, смотрите на маски, их всё меньше. Носят в основном должностные лица и фанатики. Те, кто всё ещё боится заразиться вирусом, которого нет...

Покончив с заполнением, я не удивился тому, что в зал зашла ещё одна сотрудница ОСП.

– Екатерина Ильдаровна, – представилась она. – Мне необходимо, чтобы вы расписались в постановления о возбуждении исполнительных производств. У вас их много. Я вам всё аккуратно разложила. Вот, давайте начнём с первого. Это всё – на вас! У вас тут долгов больше чем на четыре с половиной миллиона!

– Катя. Не у меня! У физического лица...

– Так это вы.

– Да нет же. Я – человек Сергей Суру.

– Сергей Викторович...

– Обращайтесь ко мне – Сергей.

– Сергей Викторович, на вас возбуждено... Вы должны...

– Да не я, Катя. Я – человек. По Конституции я ничего не должен. У человека есть права и свободы.

– Человек обязан платить налоги! – парировала Катя.

– Верно! Законно установленные, верно? А налоги что устанавливает? Налоговый кодекс. Он законом не является! Улавливаете? Это оферты. Попрошайки. Приходят к вам в ящик на адрес почтовый, а вы и рады платить. Потому как, если не платить – что? Вы же и сдёргнете с карточки или пенсии. Верно? Верно! Так вот в чём ваша работа заключается?

– Это называется – исполнять возложенные на меня государством обязанности!

– Да что ж за государство такое, что догола раздевает своих граждан – физлиц? Вот вы наверняка в школе отличницей были, – неожиданно выпалил я.

– Да, на доске медалистов – моё имя. Но по поведению у меня была «двойка» частенько. Я не была ботаншей.

– Вот и я про то, Катя. Вы отлично разобрались в своей работе. Но не разрешаете смотреть на жизнь шире. Я, например, уже почти два года живу в двух реальностях – физлицо и человек. Человек – это реальность. Физлицо – иллюзия. Разделить их, растождествить – это полдела. Научиться сосуществовать, взаимодействовать с системой РФ – вот верх идеала. Да, это сложно. Да, очень много разочарований. Слишком много лжи. Но со временем привыкаешь. Отделяешь мух от котлет. А заодно разъясняешь другим. Очень сложно, но очень полезно. Сеять семя разумного – вырастет. Не сразу, но вырастет.

– А вот вы вызвали правозащитника. Кто он?

– Отличный парень из наших!

– Ну кто?

– Любопытство?

– Да!

– Скоро узнаете.

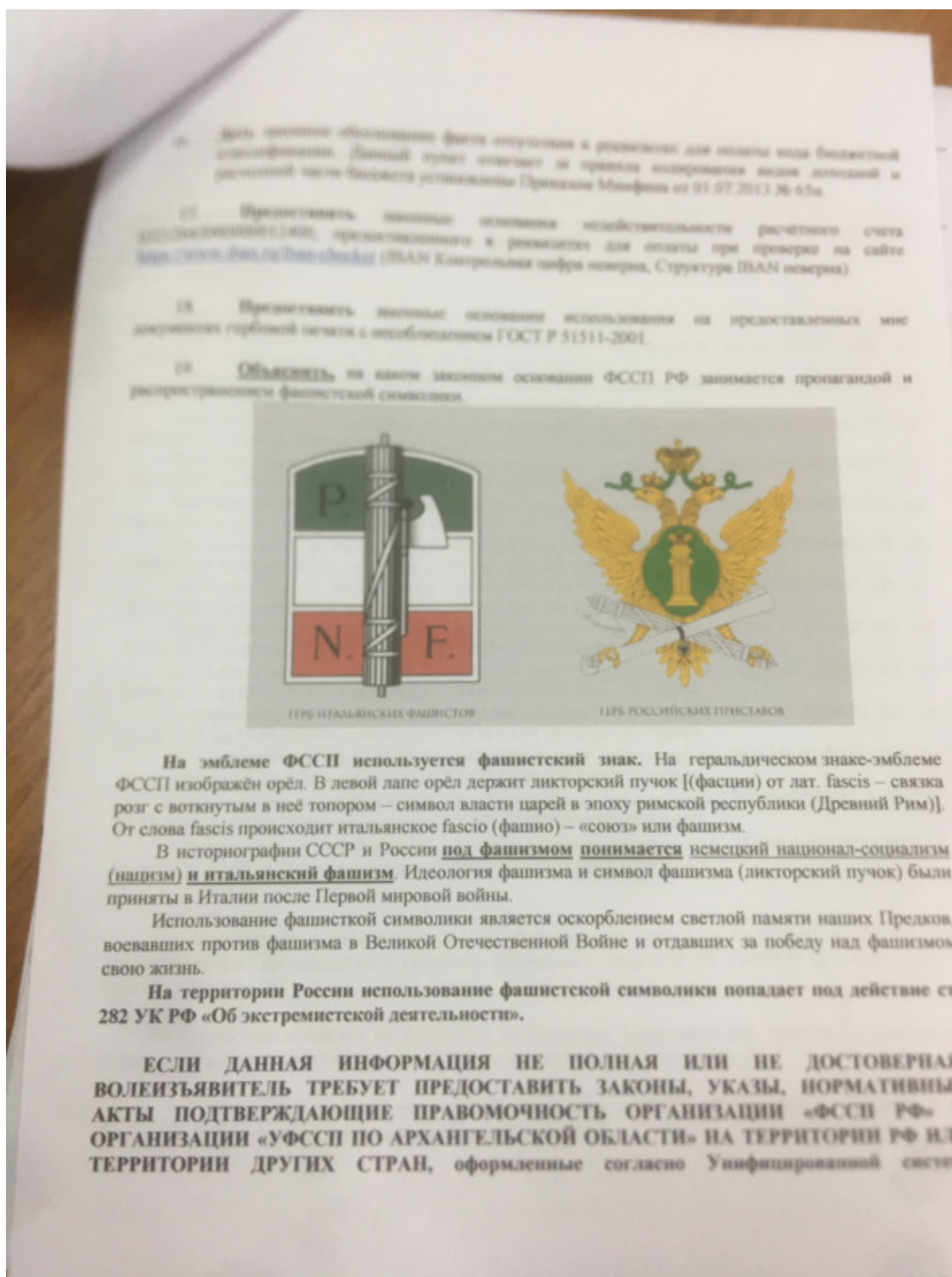
Постановлений и вправду было немало, подписывал от имени человека Сергея Суру. Подпись ставил в нижнем правом углу между буквами **С.Ф. by «подпись» А.Р.** Посмотрим, как это работает. Получив все подписи, Катя неожиданно поведала, что постановления на судебные приказы отменяются, если судебные приказы будут отменены.

– Вы же не получали копии судебных приказов? – спросила Катя.

– Нет.

– Ну тогда вы имеете право их отменить. По всем исполнительным производствам у нас собирается сбор – семь процентов, но не менее тысячи рублей. В обеспечение этих сборов была арестована ваша машина и ещё семнадцать позиций из вашего дома. Имейте это в виду. Я с вами свяжусь для вручения документов. Мне это необходимо.

– Да я вроде и не против. Только думается мне, что в течение десяти суток я не буду свободен. Запишите телефон мой. Но и его отобрали у меня. Всего доброго! – попрощался я.

Фотокопия жалобы на действия сотрудников ФССП в прокуратуру области

А ведь писал я запрос в прокуратуру на них. В полицию писал областную. И что вы думаете, какой был ответ? Перенаправили мою жалобу обратно в ФССП! Это ж запрещено законом! Да для кого только тот закон?

* * *

Я выдохнул. Посетители оставили меня в покое. Я прилёг на зрительскую скамейку. Перевести дух. Скоро уже приедет Серёжа. Ощущение времени не подвело. В зал впорхнула чёрная мантия судьи:

– Итак, прошло два часа, защитник не явился. Продолжаем без него. Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения определения.

И упорхнула, оставив меня в тупом изумлении. Ну как можно отказать-то? Ну не пришёл в течение двух часов. Всякое бывает, задерживается. Для чего отказывать-то?

Мантия впорхнула обратно в зал. В ходатайстве – отказать, заседание продолжить... Тут в зал заглянул пристав со словами:

– Там пришёл... кто-то...

– Мой защитник? Сергей? – я решительно направился к входным дверям.

Точно. На пороге стоял Серж. Сам слегка напуганный, но внешне спокойный и уверенный. Вы не представляете, насколько я был рад его видеть! Мы прошли в зал заседаний. Снова впорхнула чёрная тень судьи с белобрысой чёлкой и бантиком, отвалившимся с одной стороны:

– Защитник явился, продолжим. Устанавливаем личность защитника!

Сергей зашёл в судилище по-своему – через «персону». ФИО персоны такие-то, зарегистрирована «персона» там-то, на ФИО персоны оформлено индивидуальное предпринимательство. Всё чётко. Будут ли ходатайства? Будут!

Первым общим ходатайством, естественно, было ознакомление с материалами дела. Естественно, судье пришлось его удовлетворить. Суд удалился для подготовки материалов дела.

Принесла. Не пронумерованы, не прошиты. Просто куча бумаг!

Конечно, основная ошибка наша с Серёжей была в том, что не зафоткали всё сначала, а начали вчитываться. Внимательно изучать. Ведь это ознакомление с материалами дела! Время на ознакомление не может ограничиваться. Ну, в разумных, конечно, пределах!

Тем не менее, времени нам хватило на изучение примерно трети бумажек. Мантия неожиданно впорхнула и, заявив, что времени на ознакомление было предостаточно, выхватила документы и... была такова!

Как так? Нарушено право на равноправие сторон и эффективную защиту! Ну, дела!

Сразу начали писать ходатайство на отвод судьи. Настроили аж две штуки. Первое ходатайство чёрная мантия... даже не стала рассматривать со словами:

– В деле уже есть отклонённое ходатайство об отводе судьи. Повторные ходатайства не рассматриваются!

О как! Мы передали ещё одно заготовленное ходатайство. Мантия зачитала его и упорхнула в совещательную комнату для принятия решения. Вот вопрос: что за совещательная комната? С кем она там совещается в 22 часа?

Я был уверен, кто-то «вёл» её. Кто-то более опытный. Кто-то не менее заинтересованный в том, чтобы как можно скорее «засадить» меня «на сутки». Мантия вернулась в зал с очередным отказом.

А у нас с Серёжей – следующее ходатайство готово. И снова на отвод судьи. На сей раз – за ограничение времени на ознакомление. На всякий случай напомнили судье, что подобные ходатайства не рассматриваются, только если написаны в рамках одного дела и по одним и тем же обстоятельствам.

Мантия задумалась. Забрала отвод. Удалилась, пришла, зачитала очередной отказ.

И вот тут произошло невероятное. Мантия «по собственной инициативе» вернулась к рассмотрению того нерассмотренного отвода. Взяла его, с гордым видом снова удалилась.

Мы были шокированы, но довольны. Наконец-то взялась за голову. Негоже нарушать КоАП прямо в зале суда. Хотя... кому-то можно!

Понимая, что фоток дела у нас не так уж и много, мы тормознули с ходатайствами. Вопрос уже решён, время 22 часа. Дальше передали инициативу мантии. Пусть делает свою работу!

И «тараторка» заработала. Судья зачитывала документ за документом, затем спросила у меня:

– Обвиняемому есть что заявить суду?

– Заявляю, что вина физлица – это вопрос уже решённый. Могу лишь просить благоразумия судьи назначить наказание в виде исправительных работ. Это будет полезно и для физлица, и для работодателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.